

Метлова Татьяна Андреевна

"НОВАЯ ЖЕНЩИНА" И ГЕНДЕРНЫЙ КРИЗИС В ВЕЛИКОБРИТАНИИ РУБЕЖА XIX-XX ВВ.

В статье рассматривается социокультурный феномен Великобритании рубежа XIX-XX вв. "новая женщина". Особое внимание уделяется переосмыслению викторианской концепции истинной женственности, основанной на идее комплементарности полов и идеологии обособленных сфер, которые подвергаются резкой критике в дискурсе о новой женщине как искусственные социальные конструкты, созданные патриархатным обществом. Делается вывод о том, что новая женщина как символ дестабилизации категории пола и стирания существовавших до этого жестких границ между полами обозначила гендерный кризис рубежа веков.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/1-2/32.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (39): в 2-х ч. Ч. II. С. 126-129. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. Гаджиев К. С. Консерватизм: современные интерпретации: научно-аналитический обзор. М.: ИНИОН, 1999. 51 с.
2. Гоббс Т. Левиафан. М., 2001. 478 с.
3. Кокошин А. Реальный суверенитет. М.: Европа, 2006. 88 с.
4. Мангейм К. Диагноз нашего времени / пер. с нем. и англ. М.: Юрист, 1994. 700 с.
5. Мигранян А. М. Переосмысливая консерватизм // Вопросы философии. 1990. № 11. С. 114-122.
6. Оукшот М. Рационализм в политике и другие статьи / пер. с англ. М.: Идея-Пресс, 2002. 288 с.
7. Сокольская И. Б. Консерватизм: идея или метод // Полис. 1998. № 5. С. 48-58.
8. Хабермас Ю. Постнациональная констелляция и будущее демократии // Логос. 2003. № 4-5. С. 105-152.

CONCEPT OF NATION STATE AS BASIS OF CONSERVATIVE IDEOLOGY IDEAS ABOUT STATE MODEL

Matveeva Anastasiya Andreevna
National Research Tomsk State University
matveeva.A.A@yandex.ru

The article is devoted to state concept understanding in conservative ideology. The main point, discussed in the work, is as follows: conservative ideology bases on the idea about state as a nation state. The author analyzes the principal components of nation state concept in respect to conservative ideology categories. The conclusion is made that conservatism attractiveness as ideology for modern socium is conditioned by its social-philosophical components, among which the concept of sovereign nation state plays one of main roles.

Key words and phrases: conservative ideology; nation state; sovereignty; national identity; people; tradition.

УДК 396.1

Культурология

В статье рассматривается социокультурный феномен Великобритании рубежа XIX-XX вв. «новая женщина». Особое внимание уделяется переосмыслению викторианской концепции истинной женственности, основанной на идее комплементарности полов и идеологии обособленных сфер, которые подвергаются резкой критике в дискурсе о новой женщине как искусственные социальные конструкты, созданные патриархальным обществом. Делается вывод о том, что новая женщина как символ дестабилизации категории пола и стирания существовавших до этого жестких границ между полами обозначила гендерный кризис рубежа веков.

Ключевые слова и фразы: новая женщина; гендерный кризис; феминистское движение; эмансипация; пол; брак; рубеж веков.

Метлова Татьяна Андреевна

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
t.mellova@gmail.com

«НОВАЯ ЖЕНЩИНА» И ГЕНДЕРНЫЙ КРИЗИС В ВЕЛИКОБРИТАНИИ РУБЕЖА XIX-XX ВВ. ©

Рубеж XIX-XX вв. был переломным моментом в истории Великобритании, обозначившим завершение викторианской эпохи, длившейся более 60-ти лет. Британский писатель Джордж Гиссинг назвал это время «анархией пола», т.к. многим современникам казалось, что рушатся те правила и нормы, которые традиционно контролировали гендерную идентичность и нормы поведения полов [Цит. по: 11, р. 3].

Символом гендерного кризиса была *новая женщина (New Woman)*, которая была сложным и противоречивым социокультурным явлением, возникшим в Великобритании на рубеже XIX-XX вв. на фоне мощного развития феминистского движения. С одной стороны, *новая женщина* была реально существовавшим социальным феноменом, т.к. появился новый тип женщины, которая бросала вызов традиционным представлениям о месте и роли женщины в семье и обществе. Стремясь к независимости и самореализации, *новая женщина*, как собирательный образ эмансипированной женщины, получала образование, активно участвовала в общественно-политической деятельности, осваивала новые профессии. Девушки стали вести более здоровый образ жизни и начали заниматься различными видами спорта. Традиционной женской одежде *новая женщина* предпочла более функциональную, утилитарную и удобную. К *новой женщине* как социальному феномену можно отнести журналисток, выпускниц колледжей, общественных активисток, участниц женского движения, суфражисток и т.д.

Однако *новая женщина* была не только реально существовавшим социальным явлением, но и дискурсивным феноменом, который складывался на страницах газет, журналов, художественных произведений и в ходе противоречивой общественной дискуссии, которая охватывала широкий спектр вопросов, таких как мужественность и женственность, гендерные взаимоотношения, гендерная иерархия, положение женщины

в семье и обществе, традиционная семья, брак и развод, пол и сексуальность, материнство и здоровье нации, образование и общественный прогресс и т.д. Именно вокруг фигуры *новой женщины* на рубеже XIX-XX вв. сложилась ожесточенная полемика по наиболее актуальным вопросам гендерной и брачно-семейной проблематики, которая сталкивала полярные точки зрения и системы ценностей.

Новая женщина бросила вызов викторианской концепции истинной женственности, согласно которой идеалом считалась «ангелоподобная» нежная, скромная, кроткая, терпеливая жена, преданно любящая своего мужа, заботливая мать, образец нравственности и чистоты, хранительница домашнего очага, готовая к отказу от собственных нужд и самопожертвованию ради своей семьи. Специфика викторианской гендерной системы была во многом обусловлена идеей комплементарности полов и доктриной обособленных, или раздельных, сфер [12, p. 32]. Викторианцы верили, что мужчина и женщина были созданы разными для того, чтобы гармонично дополнять друг друга, в связи с чем у каждого пола есть своя естественная сфера и свои естественные обязанности. Если мужчина отвечает за общественную сферу, то сферой женщины является частное, домашнее, семейное пространство, т.к. именно в нем она с наибольшей пользой для общества сможет раскрыть свои особые женские качества. Дом и семья, таким образом, были единственным пространством для реализации женственности, и «истинная» женственность идентифицировалась в первую очередь через роли жены и матери. Идеология раздельных сфер, лежавшая в основе викторианской семьи, не только закрепляла за женщиной семейную сферу, но также фактически означала полное экономическое, юридическое и социальное подчинение женщины. С юридической и экономической точек зрения, замужняя женщина находилась в полной зависимости от своего мужа. Более того, идеология раздельных сфер закрывала перед женщиной традиционно мужской мир образования, карьеры, общественной деятельности и т.д.

Представление о естественности женской сферы опиралось на идеи биологического детерминизма, согласно которому подчиненное положение женщины в семье и обществе проистекает из ее биологической природы. С помощью анатомо-физиологических особенностей, с одной стороны, объяснялось главное предназначение женщины, заключающееся в рождении и воспитании детей и воспроизводстве нации, а с другой стороны, утверждалась неспособность женщины к любым занятиям, лежащим вне семейной сферы.

Биологически детерминированный взгляд на женскую природу начинает последовательно оспариваться феминистской идеологией. Еще в конце XVIII в. Мэри Уолстоункрафт в работе «Защита прав женщины» (1792 г.) указывала на деформирующую роль специфического женского воспитания и образования для развития женской личности. Мысль об искусственности концепции истинной женственности получает дальнейшее развитие в трактате «Подчиненности женщин» (1869 г.) либерального философа Дж. С. Милля, заложившего основы либерального феминизма.

Идея о том, что женская природа и женская сфера являются не естественным установлением природы, а социальным конструктом, актуализируется в общественном сознании на рубеже веков в дискурсе о *новой женщине*. Переосмысляя оппозицию «естественное – искусственное», С. Хамилтон (*Cicely Mary Hamilton*, 1872-1952 гг.), известная на рубеже XIX-XX вв. феминистка, причислявшая себя к числу *новых женщин*, в трактате «Брак как профессия» утверждает, что если «подобно к определению «естественной» женской сферы непредвзято, то мы увидим, что в девяти случаях из десяти слово «естественный» следует заменить —«подходящим» или —«искусственным»» [5]. Целью своего трактата Хамилтон ставит «доказать, что женщина такой, какой мы знаем ее сегодня, является продуктом производства, что те качества, которые считаются врожденными и определяющими ее пол, есть не более, чем качества угнетаемого класса и искусственный результат ее окружения, воспитания и образования» [Ibidem].

Оппозиция «естественное – искусственное» активно использовалась как сторонниками, так и противниками *новой женщины*. Противники осуждали ее за пренебрежение естественных законов природы, объявляя ее саму противоестественной. В одной из своих статей Э. Линтон (*Elyza Lynn Linton*, 1822-1898 гг.), наиболее яркая противница феминизма, объявила «дикую женщину», как она называла *новую женщину*, «кошунницей», восстающей против «Природы, Бога, Добра» [6, p. 82].

Писательница-феминистка Мона Кэйд (*Mona Caird*, 1854-1932 гг.), имя которой стало в одночасье широко известным после опубликования ее сенсационного эссе «Брак», в одном из своих произведений доказывает, что концепт природы как универсальной и неизбежной силы, довлеющей над человеком, используется для оправдания варварских социальных законов, тормозящих нормальное и естественное развитие как отдельной личности, так и всего общества. Подчеркивая определяющую роль окружающей среды и ничтожную роль биологии, она утверждает, что природа человека является не жестко зафиксированной биологической, а пластичной социальной категорией, подверженной изменениям [3, p. 233].

Одним из центральных в дискурсе о *новой женщине* был вопрос брака. Несмотря на то, что рубеж XIX-XX вв. ассоциируется прежде всего с суфражистским движением, которое доминирует в истории первой волны феминизма, для большинства женщин среднего класса, как подчеркивает Т. Мангум, «именно брак, а вернее, сложные социальные, правовые, религиозные, семейные аспекты брака являлись тем местом, где развернулась наиболее интенсивная личная и политическая борьба за перемены» [7, p. 16]. Несмотря на то, что дискурс о *новой женщине* рубежа веков во многом опирался и развивал феминистские идеи предшествующих десятилетий, он отличался гораздо большей радикальностью в постановке большинства проблем. Если в 1860-1870-е гг. при обсуждении брака основной акцент делался на необходимости реформирования архаичного семейного законодательства, то *новая женщина* не просто поднимает проблему социального неравенства полов в браке, а оспаривает те основания, на которых держался викторианский брак, и обнажает недостатки, превращающие

брак в репрессивную форму угнетения женщины. Так, Мона Кэд, предвосхищая многие идеи радикального феминизма 1970-80-х гг., выступила с резкой критикой брака как института, созданного патриархатным обществом, в котором отношения полов выстраиваются по принципу власти и подчинения [2].

По сравнению со своими предшественницами *новая женщина* также гораздо более открыто заговорила о женской сексуальности, потребовав сексуальную автономию женщины как в браке, так и вне его уз. Более того, она впервые открыто подняла проблемы домашнего насилия, контрацепции, аборт, регулирования рождаемости и планирования семьи. Сделав собственное тело полем борьбы за эмансипацию женщины, *новая женщина* положила начало процессу «присвоения» женщиной своего тела. Именно открытое обсуждение данных проблем и требование большей сексуальной свободы стало причиной, почему *новая женщина* была предметом ожесточенной критики и обвинений в аморальности и распущенности. Однако это также стало причиной, почему многие феминистки выступили с критикой *новой женщины* и пытались дистанцироваться от данного феномена [1, p. 221].

Отрицание естественности женской природы, утверждение об искусственности идеологии обособленных сфер, критика института брака и гендерных взаимоотношений, открытое обсуждение вопросов сексуальности способствовали дестабилизации самой категории пола как такового. В конце XIX в., таким образом, начинается процесс стирания, размывания существовавших до этого жестких границ между полами. В 1895 г. в еженедельном сатирическом журнале «Панч» (*Punch*) в стихотворной юмористической форме было выражено одно из главных опасений современников: *A new fear my bosom vexes; / Tomorrow there may be no sexes* [Цит. по: 9, p. 138]. / *Новый страх терзает мое сердце; / Завтра может не быть полов*. Результатом смешения полов, по мнению автора данного стихотворения, станет то, что один пол превратится в другой.

Однако эта мысль звучала не только в юмористической форме на страницах «Панча», но и в научном дискурсе. Хэвлок Эллис, считающийся одним из основателей сексологии как науки, в своей работе «Исследования по психологии пола» (1897 г.) пишет, что «мы не можем знать точно, что есть пол, ... но мы знаем, что пол непостоянен, ... что границы между полами часто изменчивы» [4]. Эллис утверждает непостоянность и изменчивость пола как категории, чем предвосхищает возникшую в 1990-х гг. теорию квира (*queer theory*). Символом стирания границ между полами и гендерного кризиса рубежа XIX-XX вв. была *новая женщина*, которую даже внешне изображали мужеподобной и обвиняли в утрате своей женственности.

В печати и прессе создается сатирический образ *новой женщины*, которая визуализируется через внешние атрибуты: велосипед, мужской костюм и сигареты [8, p. 11]. Самый яркий карикатурный образ был создан на страницах журнала сатиры и юмора «Панч», в котором *новую женщину* изображали или как «сильную атлетического телосложения мужеподобную амазонку», или как «синий чулок» в очках, подчеркивая внешнюю непривлекательность *новой женщины* [10, p. 13-15].

Эти карикатуры, цель которых была высмеять и дискредитировать в глазах общественности *новую женщину*, очевидно, упрощали этот феномен и пытались нивелировать его социальную значимость. Однако за этими карикатурными изображениями, высмеивающими феномен *новой женщины*, стоял страх, что «истинная» женственность обесценивается и исчезает, что воспринималось как серьезная угроза семье, материнству, морально-нравственному состоянию нации и ее будущему.

Новая женщина была особым явлением рубежа веков как переломного момента для культуры и вызвала очень противоречивую реакцию в обществе. Для многих она была символом утраты «истинной» женственности, бунтарства против природы, аморальности и распущенности, вырождения нации, падения империи, глубокого кризиса. В ней видели главную угрозу не только традиционной семье, но и всему социальному порядку. Другие, наоборот, связывали с *новой женщиной* свои надежды на действительную эмансипацию женщины и переосмысление брака и общественных отношений на более справедливых началах, предполагающих равноправие полов и исключающих дискриминацию женщин.

Новая женщина была символом не только гендерного кризиса рубежа веков, но также кризиса викторианского брака и викторианской эпохи в целом. Этот кризис, сопровождавшийся особой напряженностью и ощущением катастрофичности, представлял собой определенный переходный этап в развитии культуры и общества, для которого была характерна активизация как разрушительных, так и конструктивных сил. Заявляя о своем праве на самоопределение и независимость, резко критикуя идеологию раздельных сфер и устройство викторианского брака, требуя гендерного равноправия в общественной и семейной сферах, *новая женщина* как социокультурный феномен способствовала разрушению патриархатных установок в культуре, формированию новых представлений о женственности, конструированию более либеральной гендерной картины мира, переосмыслению традиционных гендерных отношений на более свободных началах.

Список литературы

1. Caine B. Victorian Feminists. Oxford, 1993. 304 p.
2. Caird M. Marriage // Caird M. The Morality of Marriage and Other Essays on the Status and Destiny of Woman. Cambridge, 2010. P. 63-111.
3. Caird M. Phases of Human Development // Caird M. The Morality of Marriage and Other Essays on the Status and Destiny of Woman. Cambridge, 2010. P. 193-239.
4. Ellis H. Studies in the Psychology of Sex [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gutenberg.org/files/13610/13610-h/13610-h.htm> (дата обращения: 15.09.2013).

5. **Hamilton C.** Marriage as a Trade [Электронный ресурс]. N. Y.: Moffat; Yard and Company, 1909. URL: <http://digital.library.upenn.edu/women/hamilton/marriage/marriage.html> (дата обращения: 15.09.2013).
6. **Linton E. Lynn.** The Wild Women as Politicians // Nineteenth Century. 1891. July 30. P. 79-88.
7. **Mangum T.** Married, Middlebrow and Militant: Sarah Grand and the New Woman Novel. Michigan, 1998. 298 p.
8. **Marks P.** Bicycles, Bangs, and Bloomers: The New Woman in the Popular Press. Kentucky, 1990. 222 p.
9. **Pykett L.** The «Improper» Feminine: The Women's Sensation Novel and the New Woman Writing. L.: Routledge, 1992. 235 p.
10. **Richardson A., Willis C.** The New Woman in Fiction and Fact: Fin-de-Siècle Feminisms. Basingstoke – N. Y.: Palgrave, 2001. 276 p.
11. **Showalter E.** Sexual Anarchy: Gender and Culture at the Fin de Siècle. L., 1992. 242 p.
12. **Tosh J.** A Man's Place: Masculinity and the Middle-Class Home in Victorian England. L., 1999. 252 p.

–NEW WOMAN” AND GENDER CRISIS IN GREAT BRITAIN OF THE XIXTH-XXTH CENTURIES TURN

Metlova Tat'yana Andreevna
Lomonosov Moscow State University
t.metlova@gmail.com

In the article the socio-cultural phenomenon of Great Britain of the XIXth-XXth centuries turn –new woman” is considered. Special attention is paid to the reconsideration of the Victorian conception of true femininity based on the idea of sexes complementarity and isolated spheres ideology, which are sharply criticized in discourse about new woman as artificial social constructs created by patriarchy society. The conclusion is made that new woman as a symbol of sex category destabilization and the elimination of strict borders between sexes that had existed before designated a gender crisis of the centuries turn.

Key words and phrases: new woman; gender crisis; feministic movement; emancipation; sex; marriage; centuries turn.

УДК 93; 314.7.045

Исторические науки и археология

В статье, опираясь на архивные материалы, статистические данные, решения директивных и республиканских властных структур, автор характеризует источники, ход и итоги внутриреспубликанского и межрегионального миграционных процессов, изменения в расселении жителей Дагестана в годы Великой Отечественной войны (1941-1945), отмечает трудности, негативные последствия насильственного переселения жителей в республике в годы суровых испытаний.

Ключевые слова и фразы: Дагестан; народ; республика; население; миграционный процесс; переселение; депортация; война; суровые испытания; властные структуры.

Мирзабеков Мирзабек Яхьяевич, д.и.н., профессор

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук
yash831@mail.ru

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ИЗМЕНЕНИЯ В РАССЕЛЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ ДАГЕСТАНА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1945)[©]

События Великой Отечественной войны вызывают обостренный интерес в стране и в мире. В этом контексте особого внимания исследователей заслуживает анализ миграционных процессов в годы суровых испытаний. М.-Р. А. Ибрагимовым, А. И. Османовым и другими историками по вопросам депортации и переселения народов многонационального региона изданы серьезные аналитические труды. В данной статье впервые в дагестанской историографии в комплексе рассматриваются миграционные процессы и изменения в расселении жителей Дагестана в годы Великой Отечественной войны (1941-1945).

Великая Отечественная война крайне негативно отразилась на миграционных процессах и расселении населения страны. Миллионы советских людей добровольно вступили, были мобилизованы в ряды действующей армии. Огромное количество материальных ценностей, сотни тысяч людей были эвакуированы из районов, которым угрожала фашистская оккупация. В годы войны были депортированы чеченцы, ингуши, балкарцы, карачаевцы, калмыки, крымские татары, турки-месхетинцы, немцы, проживавшие в различных районах страны, в том числе и в Дагестане.

С началом Великой Отечественной войны организованное плановое переселение жителей из предгорных и горных районов в равнинные районы республики прекратилось. Из-за тяжелых жилищно-бытовых трудностей, отсутствия достаточной квалифицированной медицинской помощи среди части переселенного населения усиливаются настроения в пользу возвращения в прежние места проживания.

Учитывая остроту вопроса с продовольственным снабжением переселенцев, отдел по хозяйственному устройству эвакуированного населения Совнаркома ДАССР предлагал создать для переселенческих семей специальный хлебный фонд. Одновременно отдел рекомендовал ходатайствовать перед Центром об освобождении